

Лит. Россия, 1983,

роман, №21

ОНА появилась на сцене Московского театра совсем еще юной — шестнадцати лет, окончив театральное училище. Шел 1825-й год — год торжественного открытия Большого театра, когда впервые прозвучала театрализованная кантата «Торжество муз», написанная Алексеем Верстовским в соавторстве с его другом Александром Алябьевым.

Надежда Репина блестяще дебютировала в этом представлении, в котором также участвовали лучшие актеры тогдашней московской сцены: Мочалов, Лавров, Львова-Синецкая...

Дебютантка сразу обратила на себя внимание Алексея Николаевича Верстовского. Уже в то время он был известен как композитор, автор музыки к водевилю «Бабушкины попугаи», множества романсов, ибо отдавал тогда предпочтение вокальному жанру.

В 1825 году Алексея Николаевича Верстовского назначают инспектором музыки императорских московских театров (Большого и Малого), а в 1830 году — инспектором репертуара. Таким образом, он фактически становится художественным руководителем и главным режиссером Московского театра, и длится это свыше тридцати лет.

Надежда Репина чрезвычайно подходила для театра того времени, когда деление между драмой, оперой, комедией, водевилем было весьма условным. С равным и неизменным успехом выступала она во всех этих жанрах. Не располагая обширным, сильным голосом, она отлично владела им, прекрасно двигалась на сцене, так как была пластична и музыкальна, но главное — она родилась настоящей актрисой, была ею, как говорится, от природы, и поэтому каждый ее выход вызывал бурю оваций в зале.

Среднего роста, стройная, с черными огненными глазами, нервная, восприимчивая, Репина покоряла москвичей чуть не с первого появления на сцене. Широтой своего артистического амплуа, разнообразием талантов и обаянием она напоминала первую певицу Большого Петровского театра Елизавету Сандуну.

Аполлон Григорьев сравнивал Репину в драматических ролях с Мочаловым, а Белинский — в комических ролях со Щепкиным. «...Репина, — писал он, — необыкновенно даровитая артистка, долго была истинным украшением московской сцены, занимая на ней амплуа, соответствующее амплуа Щепкина, потому что в ее таланте есть аналогия с его талантом».

Театральный режиссер, современник Надежды Репиной, вспоминал, что Мочалов, играя роль Алеко в инсценировке пушкинских «Цыган», настолько под-

НАДЕЖДА РЕПИНА

пал под чары артистизма Репиной, что, когда она пропела: «Как ласкала его я в ночной тишине!..», не выдержал и там же, на сцене, воскликнул: «Это черт, а не женщина!».

Верстовский, очарованный Репиной чуть не с первого ее появления на сцене, видимо, и писал песню Земфиры специально для актрисы. Не только песня Земфиры, но и многие романсы, водевили, даже оперы создавались в расчете на ее исполнение. Партия Надежды из «Аскольдовой могилы» была навеяна образом Репиной и сочинена специально для нее. Опера начинается с монолога и арии молодой девушки, дочери рыбака Надежды. «На сцену Большого театра выходила женщина среднего роста, одетая просто и даже небрежно, с черными горящими глазами, с выразительным и чрезвычайно подвижным лицом. Все движения ее были просты, естественны и необыкновенно грациозны, особенно движения рук. Это была Надежда Васильевна Репина, драгоценная жемчужина московской сцены» — так писал о ней современник-театрал.

Любовь двух талантливых артистов — Верстовского и Репиной — способствовала расцвету их дарования.

Романтизм в своем музыкальном творчестве, Алексей Верстовский оказался романтиком и в жизни. Любовь преодолела сословные границы: Репина была дочерью крепостных актеров, выкупленных московской театральной дирекцией. Верстовский происходил из знатной дворянской семьи. Он проявляет большую широту для своего времени и, можно сказать, бросает вызов дворянскому сословию, которому принадлежит. Верстовский уходит из родительского дома и соединяет свою жизнь с актрисой Надеждой Репиной.

Шаг со стороны Верстовского, безусловно, решительный и смелый, показывающий его че-

ловеком сильным, ярким не только в своих чувствах, но и поступках. Ни одно добродетельное семейство, ни мещанское, ни купеческое, ни дворянское, не хотело, вернее, не осмеливалось пойти против общепринятых тогда норм — дать приют молодой талантливой чете.

После долгих скитаний по Москве Верстовский и Репина поселились у иностранца доктора Бёма в Большом Харитоньевском переулке, дом 4, но прожили они там недолго и вскоре переехали на Цветной бульвар, в дом номер 10, а потом переехали на Рождественский бульвар.

Известно, что на бульваре они жили в многонаселенном доме, в котором обитало шумное московское мещанство. Много они поменяли квартир, прежде чем обзавелись собственным домом. Снимали они жилище и в Сретенской части Москвы, в приходе церкви священномученика Панкратия, и у Сухаревской башни, и в доме отставного писаря в Панкратьевском переулке, который позднее стал называться Большой Колосов, а затем Сухаревский переулок.

Впрочем, видимо, отсутствие собственного дома и переезды с места на место не сильно угнетали молодую пару. Оба они жили искусством, музыкой, пением, сценой, это было главным, тем более в ту пору, когда многое окрашивалось в радужные тона их чувством.

Любил Верстовский, когда Репина исполняла только что написанный им романс или песню; часто лишь после этого мог судить, получилось или не получилось новое сочинение.

И о театральных постановках Алексей Николаевич, случалось, советовался с женой, потому что не многие обладали столь тонким, воспитанным годами вкусом, как Репина, с юности «заболевшая» театром.

Наконец в 1836 году неовенчанные супруги переезжают в свой собственный дом в Старокопненном переулке на Арбате. Дом этот, ныне не существующий, сначала числился за служащей «императорского московского театра» Репиной, и лишь в 1841 году, когда Алексей Николаевич Верстовский и Надежда Васильевна Репина официально стали мужем и женой, дом перешел в собственность Верстовского.

Этому столь долгожданному событию в жизни Репиной, к сожалению, сопутствовал тяжелый, совершенно неожиданный поворот в ее творческой судьбе.

Не надо обладать особой проницательностью, чтобы понять: в театре многие актрисы завидовали удачливости Репиной, широте и блеску ее таланта, шумному успеху у зрителей, порой приписывая все это могуществу ее покровителя. Людям всегда было свойственно преувеличивать роль косвенных причин, популярных обстоятельств в чужом успехе. Конечно, любовь такого человека, как Верстовский, очень помогла Репиной, помогла раскрытию ее таланта, всех ее артистических возможностей, вселила веру в себя, дала выход таившимся в ней до поры силам. Еще бы, рядом с ней был самый тонкий, самый глубокий ценитель, понимающий, как никто, психологию актера, замечавший каждый новый шаг к постижению роли.

Все артисты жаждали его замечаний, боялись их и с доверием и благодарностью их выслушивали, как писал о Верстовском один из современников. Если было чему завидовать, так именно этому. Но иные окружающие не хотели видеть, не замечали главного — поистине гигантской работоспособности Репиной, не говоря о ее многосторонней одаренности.

Надежда Васильевна Репина могла сутками не уходить из театра или дома, продолжая дни и ночи готовиться к очередному спектаклю.

«...Если бы все и всегда так играли, то не было бы больше плохих пьес, но все пьесы, даже дурные, были бы превосходны», — писал Белинский о Репиной в роли Сюзанны из «Свадьбы Фигаро».

Зрителя изумляла разносторонность таланта актрисы: под силу ей оказывались совершенно различные роли — и психологические, и мелодраматические, и водевильные, где надо было петь и танцевать, что она всегда делала с великим искусством, и серьезные оперные партии, когда приходилось преодолевать недостаточный диапазон голосовых возможностей.

Когда актриса играла в комедиях, всем наслаждавшимся ее игрой казалось, что она рождена только для этого, в драме трудно было представить кого-либо иного на ее месте; то же самое можно было услышать и

об ее участии в ролях других жанров.

И вот такая актриса, любимица московских театралов, когда ей не исполнилось и тридцати двух лет, вдруг покидает сцену. Этому невозможно было поверить. Многие считали, что кто-то специально распространяет столь неправдоподобные слухи. Но, увы, в 1841 году Репина последний раз сыграла на сцене Большого театра...

Истинной причины ухода со сцены этой удивительной актрисы не известно. Можно только предположить: та самая любовь, что помогла расцвету столь яркому таланту, теперь перекрыла ему путь. Надо было выбирать: либо оставаться на сцене, либо венчаться с Алексеем Николаевичем Верстовским.

Знарок театра, не мог он не понимать, что такое Надежда Репина для московской сцены. Не мог он также недооценивать и роли театра в ее жизни. Видимо, теперь, когда он стал старше, и в нем заговорило что-то собственническое, патриархальное, чисто мужской эгоизм одержал верх, заслонив главное — искусство. Он совершил непоправимую ошибку, в которой потом, наверно, не раз раскаивался.

В арбатском особняке, в Старокопненном переулке, артисты прожили более двадцати лет. Сюда приходили актеры Большого и Малого театров, с которыми много занимался композитор, педагог, режиссер Алексей Николаевич Верстовский. В этом доме часто устраивались настоящие репетиции отдельных актов, спектаклей. Это был своеобразный филиал Большого театра.

Бывали в этом доме у Верстовских и знаменитые музыканты, пианисты, композиторы Шуман, Лист, Берлиоз...

Но не стал этот дом на Арбате музыкальным светским салоном или публичным театром, где собирались знатные московские люди, любители музыки, как это бывало у Виельгорских, Одоевского, Кокошкина.

Надежда Васильевна Репина, видимо, не рождена была для роли светской хозяйки. Эта последняя ее роль была не по душе актрисе, скучна, и она так и не получила у нее до конца жизни. И вообще после ухода из театра Репина как-то быстро увяла, потеряла свою привлекательность, очарование. Единственно, что придавало ей былую живость, — это походы в театр. Но эти же походы вергали ее и в страшное, безысходное уныние. Тоска была такой неодолимой, что не доставало сил с ней справиться, и ничего не могла она придумать иного, как прибегнуть к губительному лекарству — алкоголю.

Совместная жизнь Верстовского и Репиной, начавшаяся так ярко, гармонично, открывшая для них, казалось, безбрежные перспективы, завершилась монотонно, пасмурно, почти трагично.

Современники вспоминали, что Верстовский в последние годы жизни так же сильно страдал, как и Репина, особенно после того, как и сам ушел из театра в 1860 году.

Надежда Васильевна Репина умерла в 1867 году, через пять лет после смерти мужа, похоронена была на Ваганьковском кладбище.

С ее выходом московская сцена понесла великую утрату, и, бог знает, когда и кем она будет пополнена, по крайней мере, до сих пор место незабвенной артистки остается вакантным. Истинные таланты не рождаются, как грибы, — писала о Репиной газета через несколько лет после того, как она покинула сцену.